

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Е. И. Гневушева, В. А. Жаров

**ПЕРВЫЙ «БЕЙТЕНЗОРГСКИЙ» СТИПЕНДИАТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК С. Г. НАВАШИН
НА ЯВЕ В 1898—1899 гг.**

(По материалам неопубликованного дневника)

В последней четверти XIX в. для русских естествоиспытателей, лишенных возможности на родине ставить опыты и делать наблюдения в условиях экваториального и тропического климата, назрела необходимость работы в соответствующих широтах. Однако материальные возможности Русского географического общества и обществ естествоиспытателей при университетах, куда ботаники и зоологи обращались за помощью для получения научных командировок, были весьма ограничены. Вследствие этого научные путешествия русских ученых в экваториально-тропическую зону, в частности в крупнейший научный центр — Ботанический сад на Яве, носили случайный, несистематический характер.

Только в 1897 г. Академия наук учредила стипендию для русских ученых-натуралистов, направляемых на Яву, в Ботанический сад Бейтензорга (ныне Богора). Учреждению «бейтензоргской» стипендии во многом содействовал директор Ботанического сада проф. Трейб. Заботясь о развитии естественных наук, он привлекал к работе в Ботаническом саду Бейтензорга ученых всего мира¹. С этой же целью он в 1895 г. ездил в Петербург, после визита на Яву высоких гостей из России², в числе которых находился князь Э. Э. Ухтомский, написавший впоследствии книгу об этом путешествии [4; 5]. В ней он, восторженно описав Ботанический сад, выразил, в частности, сожаление, что русские ученые не занимаются здесь исследовательской работой вместе с учеными других европейских государств. Составленное не без влияния Трейба ходатайство русских ученых в Академию наук (между прочим, со ссылкой на книгу Э. Э. Ухтомского) об учреждении стипендии для научной работы русских натуралистов на Яве было удовлетворено³.

Во время пребывания в России Трейб познакомился с талантливым ученым Сергеем Гавриловичем Навашиным, труды которого ему были известны и который однажды даже полемизировал с Трейбом в печати по теоретическим вопросам. Чтобы встретиться с Навашиным, Трейб поехал в Киев, где тогда в университете работал молодой про-

¹ В Архиве Академии наук хранятся письма Трейба выдающимся русским ученым, в которых он призывал ботаников и зоологов России к исследовательской работе в тропиках.

² В 1890—1891 гг. наследник русского престола, будущий император Николай II, совершил путешествие по странам Востока. Во время пребывания на о-ве Ява он и его свита посетили знаменитый Бейтензоргский ботанический сад.

³ Более подробно о «бейтензоргской» стипендии см. [1].

фессор. Заявление Навашина в Академию наук с просьбой о предоставлении ему научной командировки на Яву было, бесспорно, результатом встречи двух ученых.

С. Г. Навашин был первым «бейтензоргским» стипендиатом Российской академии наук. На Яве он пробыл с 9 декабря 1898 г. по 6 апреля 1899 г. Согласно положению о «бейтензоргской» стипендии, стипендиаты должны были представлять отчет о проделанной работе, который обычно печатался в изданиях Академии и хранился в ее архиве. С. Г. Навашин неоднократно ссылаясь в отчете на свои дневниковые записи. Работая над книгой о русских ученых в Индонезии, Е. И. Гневушева не смогла обнаружить в архивах дневник Навашина. Лишь несколько лет спустя после выхода работы Е. И. Гневушевой В. А. Жарову удалось отыскать дневник С. Г. Навашина в семье внука первого «бейтензоргского» стипендиата — Сергея Михайловича Навашина⁴.

За три года, которые отделяют встречу Трейба и Навашина в Киеве от их новой встречи уже на Яве, Сергей Гаврилович приобрел мировую известность. Его труды печатались в изданиях Академии наук, и с ними были знакомы ученые-ботаники за рубежом. Биограф С. Г. Навашина Д. А. Транковский прав, когда пишет, что на Яву ученый ехал не как ученик, а как почетный гость [3, 21].

Путешествие Сергея Гавриловича началось из Одессы, плыл он кратчайшим путем — через Босфор и Суэц. Вместе с ним ехал на Яву молодой ученый — зоолог Киевского университета Владимир Афанасьевич Караваев, поездка которого финансировалась Киевским обществом естествоиспытателей.

Сергей Гаврилович с нетерпением ждал встречи с тропиками. «Первый раз тропический ландшафт с растительностью» он увидел на о-ве Маникая. О низкий атолл, огражденный бакенами, бились высокие волны прибоя. («Громадный прибой, над которым стоит водяная пыль, как над водопадом», — записал в дневнике Навашин.) Но внутренняя лагуна острова заставляла забыть тревожный шум прибоя: все дышало покоем, все было изумрудно-зеленым. Остров казался давно обжитым — у берега стояла лодка. Тянуло дымком. На самом берегу возвышался маяк, и виднелись хижины в окружении пальм, по-видимому кокосовых, как издали определил Сергей Гаврилович.

Подходя к Цейлону, русские ученые не переставали любоваться морской водой, которая при приближении к острову становилась совершенно зеленой, его горами и лесом пальм. Город Коломбо, где пассажиры провели день, Сергей Гаврилович определил как «прекрасный парк со строениями под пальмами». И, конечно, прежде всего Навашин и Караваев направились в музей. Там было «много интересного, но — увы! — не для ученого-ботаника.

По городу ходили пешком. Навстречу шли люди, очень смуглые, непривычно одетые. Женщины — с серьгами в ноздрях и множеством браслетов на руках и ногах. Чем ближе к пристани, тем гуще толпа торговцев, фокусников, различного вида попрошаек. Океанская набережная была широка, чиста и очень красива — «местами роскошна». Полуголые мальчишки в лодках, на которых «непостижимо плыть»... Все это осталось в памяти Навашина яркой картиной, освещенной тро-

⁴ Дневник представляет собой общую тетрадь в твердой нарядной обложке. Страницы в линейку исписаны с двух сторон четким почерком, почти без помарок, иногда в пояснение тексту автор пером набрасывал рисунок, план, схему. Страницы дневника не пронумерованы. (Поэтому все приводимые в тексте цитаты из него делаются без указания страницы.) Ученый практически ежедневно вел дневник: первая запись сделана 29 октября 1898 г. в Одессе, последняя — на Яве 4/16 апреля 1899 г.

С. Г. Навашин

пическими лучами солнца, и вместе с тем производило впечатление мимолетного сна. Впервые в жизни ученые зашли в буддийский храм, в котором увидели статуи будды, голубые с приятным ароматом цветы, принесенные в дар божеству, и обратили внимание на колокол — необходимую принадлежность буддийского богослужения.

28 ноября 1898 г. пароход, на борту которого находились Навашин и Караваев, вошел в Малаккский пролив. И хотя близость земли давала о себе знать, берегов долго не было видно. «Весь день (уже 29 ноября) мимо парохода плыла всякая всячина: ветки, трава, стволы деревьев, плоды, медузы, водяные змеи, летают и плавают птицы», — писал Навашин. Только на третий день после входа в пролив показалась длинная полоса южного берега Малаккского полуострова. Накануне ночью прошел «страшный ливень; вообще, ночь была трудной, но день наступил прекрасный: воздух тих, море спокойно. Навстречу шло множество судов — это были и европейские пароходы, и шхуны, и разнообразные азиатские суда с разноцветными парусами, часто с красными, встречались даже такие, у которых парус был сделан из циновки».

1 декабря вошли в Сингапур. Здесь Навашина и Караваева встретил русский консул К. В. Клейменов, предупрежденный о приезде ученых консулом в Батавии М. М. Бакуниным. Конечно, первый визит — в Ботанический сад. Особого восторга Навашин не высказывает, хотя и отмечает в своем дневнике, что это довольно красивый парк и в нем большое число разных видов пальм.

Русские ученые познакомились в Сингапуре со своими соотечественниками: владельцем кондитерской — поляком из Варшавы, который

хорошо говорил по-русски, аптекарем-поляком из Бреславля и русским подданным купцом Штегманном. Именно он уделил особое внимание ученым — вместе с Клейменовым организовал для них экскурсию в княжество Джохор. О самом княжестве Навашин ничего не пишет, но его как ботаника восхитила дорога: «Множество ананасных, сахарных, гвоздичных плантаций, великолепные деревья вдоль дороги, папоротники, мимозы, рододендроны, орхидные и т. д.».

В гавани Батавии — Танджунгприоке ученых встречали Трейб и М. М. Бакунин, который очень обрадовался приезду соотечественников и сразу же похвалился своими коллекциями, очевидно этнографическими, собранными на Яве и Суматре.

Батавия Навашину понравилась («прелесть, куда лучше, чем Сингапур»), но долго в ней оставаться он не мог. 10 (22) декабря ученые прибыли в Бейтензорг — место своей научной работы.

Из Батавии до Бейтензорга ехали по железной дороге, которая показала Навашину интересной — он увидел затопленные и отделенные друг от друга земляными валиками рисовые поля, которые перемежались пальмовыми рощами. Вдали виднелись горы.

В январе и феврале все время шли дожди, но даже постоянная дождевая завеса не могла скрыть «очаровательного и величественного вида» на гору Салак. Правда, первое знакомство с тропическим девственным лесом было разочаровывающим: слишком буйная растительность создавала впечатление беспорядочного нагромождения, лишнего какой бы то ни было живописности. Рассмотреть дерево в тропическом лесу было очень трудно даже тогда, когда оно стояло отдельно: видна была только четверть ствола, выступавшая из чащи. Цветов почти не было, изредка встречались орхидеи.

Навсегда запечатлелся колорит яванского ландшафта: красно-коричневая вода, красно-бурая, не покрытая растительностью земля, все остальное — однообразно зеленое; оттенки в этой зелени лесов и пашен можно различить только вблизи. Но во время восхода или заката солнца все приобретало новый вид и неожиданную красоту.

До конца своего пребывания на Яве Сергей Гаврилович не переставал любоваться пальмами⁵. Вот одна из его записей в дневник: «Гулял в саду и любовался на пальмы, которые положительно надо рассматривать по очереди, только тогда получаешь полное впечатление: величина, сила, возраст! *Attalea*, *Metroxylon*, *Oreodoxa*! Что это за великаны, какая страшная гармония членов! Гигантские соцветия производят особенно сильное впечатление. Хороши и малорослые пальмы по своей стройности и изяществу, например *Trupax*».

Навашин с присущей ему точностью ученого подробно описывает тропические плоды, которые он впервые отведал на Яве. Вот, например, запись о мангустане: «Сегодня первый раз были мангустаны — цвета граната кора, которую надрезают поперек ножом, в ней множество дубильных веществ, и она очень плотна. Надрезанный плод легко открывается руками. Внутри несколько нежно-белых долек, одна больше остальных и с семенами, прочие — бесплодны. Едят вилкой, вкус кисловато-сладкий, нежный, ароматный, действует освежающе».

Исследовательская работа отнимала у ученого большую часть времени. Однако по вечерам, оторвавшись от «своих» растений, он совершал прогулки по городу, который хорошо осматривал разнообразными светильниками. Тут были и маленькие фонари, и различные лампы и лампочки. Вдоль улицы обычно располагались торговцы с фруктами

⁵ Пальмы были одним из главных объектов внимания Навашина, который изучал строение цветка и соцветие пальм.

и съестными продуктами, и у каждого непременно была своя лампочка. Навашина всюду преследовал запах сушеной рыбы или дуриана⁶. С большим интересом он присматривался к обстановке, совсем непохожей на ту, которая окружала его дома. Многие вначале казалось ему непонятным. Однако примерно через две недели он уже, по собственным словам, стал «понемногу понимать разные вещи».

Очень удивлялся Сергей Гаврилович множеству людей на базаре Бейтензорга, «просто невероятному для такого маленького города». Кроме индонезийцев здесь можно было встретить арабов и, уж конечно, китайцев.

Ученый отмечал в своем дневнике, что китайское население жило обособленно, в отдельном квартале. Занятия торговлей, ремеслом, ростовщичеством приносили китайцам значительные доходы. «От яванцев они выделялись,— пишет Навашин,— своей толщиной и упитанностью». Если встречался большой дом, к тому же устроенный на европейский лад, можно было не сомневаться, что в нем жил богатый купец-китаец. Ученому довелось наблюдать празднование китайского нового года с красочными процессиями (во время которых носили огромных драконов и других персонажей китайской мифологии), с фейерверками, хлопушками, со всей оглушительной музыкой, столь непривычной европейскому уху.

С. Навашину посчастливилось застать на Яве и единственный в году мусульманский праздник, которым отмечается конец поста. Вообще, даже в письмах семье он с особым удовольствием описывал праздники.

С. Г. Навашин очень сожалел, что из-за отсутствия свободного времени он не может овладеть индонезийским языком, так как ему часто приходилось общаться с индонезийцами, особенно с теми, которые работали в Ботаническом саду. Младший персонал Ботанического сада, состоявший из индонезийцев, был прекрасно подготовлен. Об одном из них, «подсадовнике», Сергей Гаврилович написал, что тот «знает все латинские названия растений» и отличается наблюдательностью и исполнительностью.

Несмотря на то что у ученого не хватало времени глубже изучить жизнь индонезийцев, тем не менее краткие записи в его дневнике, касающиеся этнографических и социальных наблюдений, позволяют заключить, что Навашин интересовался бытом местного населения, старался понять, как живет простой человек на Яве. Никакой предвзятости в отношении индонезийцев у Сергея Гавриловича не было. Расовые и национальные предрассудки для него просто не существовали, были чужды и непонятны.

Навашин восхищался физической красотой индийцев и яванцев. Еще в Сингапуре, наблюдая за тяжелым трудом молодых индусов, строивших дорогу, он писал, что все их движения были исполнены изящества, их телосложение напоминало ему статуи античных атлетов. «Такие чудные фигуры — за такой работой»,— посетовал Навашин.

Отмечал ученый и красоту внешнего облика яванцев. «Нередко встречаю теперь очень красивых девушек,— писал он,— продолговатый овал лица, длинный, тонкий, но очень невысокий нос, выражение лица — интеллигентное». Рядом с этой записью Навашин поместил рисунок яванской девушки. Отмечая, что «руки у мужчин и женщин тонки и красивы», он в то же время сетует на обычай яванцев ходить босиком. Это приводило к тому, что ступня становилась широкой, а пальцы — растопыренными.

⁶ Дуриан — лакомый для индонезийца плод с резким неприятным запахом.

Навашин сразу же обратил внимание на то, что голландцы не решали индонезийцам носить одежду и обувь европейского типа. По его словам, легко было отличить школьника-индонезийца от «индо» (так называли лиц от смешанных браков с голландцами), которые имели право носить обувь и полуюропейскую одежду.

По-видимому, ученому приходилось более всего встречать сунданцев (Бейтензорг находится на Западной Яве, населенной именно этой народностью). Когда Навашин пишет о яванцах, то, безусловно, он подразумевает уроженцев о-ва Ява, но скорее всего это были все-таки сунданцы.

Сунданец по облику, по наблюдениям Навашина, отличался от жителя Центральной Явы. Сунданцы, по крайней мере те, которых видел ученый, были крупные люди, черты их округлого лица были «энергичны». «Между ними много помеси с арабами», — отметил Навашин.

Одежда яванца, по описанию ученого, удивительно соответствовала тропическому климату. И мужчины, и женщины носили подобие юбки — кусок набивной ткани с рисунком, обернутый вокруг тела от пояса до лодыжек или только до колен. Навашин в своем дневнике всегда называл эту одежду «юбкой-платком»⁷. Мужчины подвязывали ее кожаным поясом поверх вязаного шерстяного. Женщины носили большей частью белую легкую кофту — кебайу.

Наиболее распространенным головным убором была широкополая шляпа, плетенная из рисовой соломы, часто выкрашенная и даже про-смоленная. Поля шляпы были так широки, что Навашин называет этот головной убор «шляпа-зонтик». Когда яванец нес такую шляпу в руках, она напоминала большой щит. Мужчины повязывали голову и платком, причем очень искусно, «точно мы галстук», всегда одинаково и точно.

Тропики накладывали особый отпечаток на характер и поведение индонезийцев. Навашин обратил внимание на очень плавную походку местных жителей, что он объяснял обыкновением ходить, немного подогнув колена. «Когда в природе царил тишина и вместе с ней создавалось настроение торжественности, яванцы своей плавностью движений были в особенной гармонии с природой, казались такими же торжественными...» Как впоследствии узнал С. Г. Навашин, резкие движения у яванцев считаются даже неприличными.

Вообще яванцы строго соблюдали правила этикета. Они с презрением относились к тем, кто не знал правил приличия, вежливости. О таких они говорили: «Это житель гор», объясняя невоспитанность такого человека принадлежностью его к какому-нибудь отсталому племени, живущему в горной местности.

Навашин видел много необычного вокруг себя. Так, он писал, что яванцы носили у пояса крис — особый кинжал с пламевидным лезвием («на малайцах часто видишь нож вроде древнего меча, часто изогнутого, всегда в ножнах») — и что грудных детей женщины носят в платках и шарфах, перекинутых через плечо. При таком способе ребенок лежит, как в гамаке, а руки у матери свободны. Как было не удивиться неожиданному использованию кокосового ореха в качестве обуви: «Ребята в кампонге прикрепляют себе к ногам, как подковы, половинки скорлупы кокосового ореха». Однако Навашин не поясняет, было ли это игрой и можно ли было ходить или скользить в такой «обуви».

Жилье индонезийского крестьянина было бедным, в нем находились только самые необходимые предметы обихода. Даже в сравнительно большом кампонге, расположенном к тому же в Ботаническом саду

⁷ Индонезийские названия — *саронг* и *каин*.

(«деревенька побольше других»), хижины были малы («подобие веранды и внутреннего жилья... стены плетеные, местами решетчатые, окон нет»). Мебели в хижине не было. И стол, и стул, и кровать в быту индонезийского крестьянина в то время заменяла циновка. Европейскую утварь можно было увидеть только в домах тех индонезийцев, которые обслуживали европейцев.

Необходимой принадлежностью самой бедной хижины были клетки с птицами — или с красивым оперением, или радовавшими слух прекрасным пением.

Сергей Гаврилович часто наблюдал за работой на рисовом поле, особо он отметил пахоту «совсем в воде», на буйволах, деревянными плугами. Он любовался выработанной веками трудовой сноровкой яванского крестьянина. «Видел оригинальный способ косить серпом на длинной рукоятке. Малаец машет наотмашь через голову рис этой штукой, а сам в это время курит».

Без всякого предвзятого мнения, только запечатлевая бросившиеся в глаза некоторые черты быта яванца, Навашин разрушает нелепое, усердно распространяемое колонизаторами представление о жителях тропических стран как о ленивых людях. Наоборот, после прочтения дневника у читателя возникает образ яванца, способного к труду и привыкшего трудиться. Русский ученый не мог не отметить, что даже самые маленькие дети, как правило, являются помощниками в индонезийской семье. Дочь академика Навашина Т. С. Рогалина помнит рассказы отца о яванцах: «Он говорил, какие они милые люди. Сергей Гаврилович умел многое делать сам. У него были золотые руки. И в людях он ценил умение работать. Он хвалил честность яванцев, добросовестность, их любовное отношение к труду. Особенно ему нравились яванцы — рабочие и служащие Ботанического сада, они были великолепными помощниками ученых».

С. Г. Навашин с горечью пишет о том, что колонизаторы внесли в жизнь яванцев много плохого. Так, обращая внимание на то, что в индонезийском языке раньше не было слова «пьяный», он записал в своем дневнике: «Мабук — значит собственно иметь головокружение, например, мабук лаут (mabuk laut) — морская болезнь (лаут — море)». По его мнению, выражение «мабук сердаду» (mabuk serdadu) — «пьяный по-солдатски» — получило распространение уже во времена португальского господства на Востоке.

Наблюдения Навашина подтверждались рассказами Трейба о яванцах, об их культуре, об их умении вести себя, воспитанности.

Почтительность яванцев определялась выработанным веками отношением младшего к старшему, слуги к господину, подчиненного к повелителю. Голландцы сохранили черты феодального общества с его строгими сословными делениями и уничижительным для нижестоящего этикетом. Сергей Гаврилович долго не мог понять странного реверанса, который делали яванцы, находящиеся в услужении у голландцев, пока не понял: приветствуя, яванцы садились на корточки. Рассказывая в дневнике о первых впечатлениях от Бейтензорга, описывая обстановку, в которой ему придется жить, русский ученый поражался, что яванец-слуга, подавая Трейбу нужные ему вещи и получая их, каждый раз становился на колени. И Трейба — этого во многих отношениях передового человека и, безусловно, крупного ученого — это ничуть не смущало, хотя ничего подобного он, конечно, не мог встретить у себя дома. Дочь Навашина помнит, как удивлялся ученый количеству прислуги у Трейба. По рассказам Сергея Гавриловича, Трейб занимал целый дворец и имел огромный штат слуг. Но функции слуг были очень ограничены: так, один слуга только должен был зажигать и га-

силь лампы. Впрочем, Навашин находил, что яванцы очень слабосильны, и этим объяснял такое большое число прислуги у Трейба.

Чертой уже вполне колониального колорита был способ отбивания часов в Бейтензорге. На крыльце главного полицейского участка, между колоннами висела выдолбленная деревянная колода, которой была придана форма человеческого тела. Как и следовало ожидать, деревянная фигура была выкрашена черной краской: висел туземец! И вот по этому деревянному изображению индонезийца «жарят палкой, выбивают сначала дробь, а потом бьют часы». Не удивительно, что в этом способе Навашин увидел «острастку для простонародья», разумеется индонезийского.

Вместе с тем на приеме у генерал-губернатора ученый увидел лиц, у которых чувствовалась примесь индонезийской крови. И хотя женитьба на местных женщинах из высшего яванского общества раньше вполне допускалась, в конце XIX в. голландские власти стремились положить предел подобным смешанным бракам. Однако к этому времени уже образовался слой «индо» — голландско-индонезийских метисов.

Особый интерес вызывают те строки дневника Навашина, которые касаются некоторых сторон голландской колониальной политики.

Особенности землевладения в Нидерландской Индии русский ученый уяснил себе без труда: рис производили индонезийцы, и земли, занятые под посевы риса, составляли собственность яванских крестьян. Что касается европейцев, то земельную собственность «по старинному праву» (вероятно, частные или особые земли) имели лишь очень немногие из них. Почти все плантаторы арендовали землю у государства, причем эта аренда была долгосрочной — до 99 лет.

Но Навашин усмотрел материальную независимость колонии от метрополии в том, что товары, ввозимые в нее из Голландии, облагались пошлиной, ввозимая же в Голландию индонезийская продукция пошлинами не облагалась. Непосредственную выгоду и в том и в другом случае имел голландский капитал.

Во все времена Ява была самым населенным островом Индонезии. Конец города никогда не поддавался определению. «Говорят, что вся Ява представляет сеть кампонгов,— записал Навашин,— до 60 миллионов жителей!»

Голландия в 1870 г. изменила колониальную политику: она перестала быть монопольным эксплуататором, открыв двери в свои колонии другим державам. Предприниматели разных национальностей устремились в недавно заповедные для них районы. На пароходе, который вез русских ученых из Сингапура на Яву, ехали два немца — один лесничий, другой — купец. Два англичанина ехали к своим семьям в Нидерландскую Индию. В Бейтензорге Навашин встретился с художником-биологом из Бреславля, с ботаником поляком Лотским, уже переделавшим свою фамилию на голландский лад — Лотси. Там же он познакомился с миллионером — голландцем по фамилии Янсе, у которого, по словам Навашина, во всех, кажется, частях света есть «интересы». На следующей странице дневника мы читаем краткую запись: «История богатства отца Янсе». И далее следует рассказ о предприимчивых дельцах, занимавшихся выращиванием табака в Дели на Суматре. Некий голландец, живя на Суматре, заметил, что произрастающий там табак по свойству листа незаменим для сигар. Возвратясь в Голландию и, очевидно, не имея достаточных средств, чтобы основать «дело», он предложил своему более состоятельному знакомому участвовать в предприятии. Поняв, что это выгодно, знакомый отдал приятелю все сбережения — 30 тыс. гульденов. Банк в Батавии, куда затем обратился инициатор будущего «дела», поддержал предприятие, направив конт-

ролером служащего банка. «Дело» пошло. И вот удачливые партнеры уже имеют по миллиону гульденов годового дохода. А контролер ушел из банка, став директором нового предприятия. Ко времени пребывания Навашина на Яве этот «молодой человек из банка» был уже министром колоний. «И, вероятно, будет генерал-губернатором»,— предполагал Навашин.

В этом рассказе интересно все: и то, с какой быстротой создавались огромные состояния, и то новое участие, которое принимал банк в экономике (не только ссуда, но и контроль над предприятием), и та связь между крупным предпринимательством и государственным управлением — директор предприятия становится министром колоний. Это всё были черты нового времени — черты империалистической эпохи.

Навашин побывал на чайной и кофейной плантациях. Чайная плантация находилась недалеко от Бейтензорга (примерно на расстоянии 6—7 км) и принадлежала акционерному обществу. Управлял ею внук бывшего генерал-губернатора. «Знаменательно»,— отмечает в скобках Сергей Гаврилович.— На плантации работали преимущественно женщины и дети. «Работают семьями»,— пишет Навашин, имея в виду, вероятно, мать и ее детей. «Рабочие получают 3,5 гульдена и рисом на 2,5 гульдена в месяц. Надсмотрщик — 6 гульденов. Женщины и дети получают по 1 центу за 1 фунт свежих листьев, собирают до 20 фунтов»⁸.

Орудия труда на плантациях были самые простые, преобладал ручной труд — прополка, подрезка куста, сбор листа, его сортировка. Собирали и сортировали листья руками, просеивая их через решето. Правда, свертывали лист дорогой английской машиной.

Посещение кофейной плантации не нашло в дневнике сколько-нибудь подробного описания. Сергей Гаврилович сообщает, что на плантациях применялись удобрения, в том числе на чайной — химические. Но зато способ обработки кофе описан довольно подробно. Сразу же была отмечена особенность и кофейной и чайной обработки — «необходимость работы тотчас: ни листья, ни плоды не могут сохраниться».

Обработка кофе проходила восемь этапов: вымачивание, размягчение окоплодника, обдирание или чистка, брожение, сушка, шелушение, сортировка, упаковка. Но здесь уже в каждом процессе участвовала машина. Навашин отметил, что сортировку производили исключительно женщины. Только низкие сорта кофе поступали на яванский рынок, все же остальное вывозилось из страны.

Многое в дневнике Навашина записано со слов других людей, в первую очередь Трейба. Надо сказать, что последний оказывал Навашину и Караваеву большую помощь во время пребывания их на Яве. Ученые постоянно ощущали заботу Трейба. Он постарался оградить их от всяких хлопот по устройству быта, организовывал экскурсии.

Трейб много времени проводил с русскими учеными. Так, Сергей Гаврилович пишет в своем дневнике, что 25 декабря нового стиля, несмотря на рождество, Трейб отправляется с недавно приехавшим Навашиным в Ботанический сад и показывает ему интересные растения. На следующий день русские ученые приглашены к Трейбу на праздничный обед. Он зовет их то в клуб поиграть на бильярде, то посмотреть на церемонию поздравления служащих сада с Новым годом. Часто Трейб приглашал на прогулки, чтобы полюбоваться красотой тропиче-

⁸ Уяснить величину заработной платы плантационного рабочего позволяет сообщенная ранее Навашиным заработная плата прислуги. «Положение прислуги такое,— пишет Навашин, — ей дается помещение, жалованье, мужчинам — 10—12 гульденов в среднем на свое содержание».

ской природы и днем, и ночью. Впечатление от одной такой ночной прогулки описано Навашиным довольно подробно: «Полная луна, чистое небо, местами просто волшебный вид. Луна выглядит много ярче, чем у нас, а освещение комнаты слабее, я думаю, потому, что все краски слишком уж густы: если что-либо есть белое — то блестит, как днем, этикетки в саду можно читать смело. Еще раньше мы с Трейбом ходили смотреть закат солнца — вдали виден темно-синий Салак, по поясу которого и на верхушке ползут белые облака. Краски замечательные, яркость, разнообразие. Например, аквамариновый клочок неба окружен фиолетовыми облачками, в другом месте — бирюза и пурпур. С противоположной стороны уже в это время — яркая, серебристо-белая луна. Вся картина выглядит так чисто и ясно, что не веришь, что смотришь простыми глазами: точно в панораме, где нарочно все тона сделаны правильнее и чище. Именно и поражает эта правильность, элементарность тонов: чисто зеленое, чисто ярко-голубое и тому подобное. Зелень так чиста, что и ночью заметен основной фон, причем листья еще большей частью блестят на лунном свете, точно лакированные»⁹.

Судя по записям в дневнике, к концу своего пребывания на Яве С. Г. Навашин довольно близко сошелся с Трейбом. Он уделяет Трейбу довольно много места в своих записях, в которых Трейб предстает подвижником, энтузиастом науки. Он действительно таким и был. Однажды Трейб сказал откровенно Сергею Гавриловичу, что не видит себе преемника. И Сергей Гаврилович записал в дневнике: «Жаль видеть его, так сильно любящего свой сад и все учрежденное в нем и не надеющегося пристроить, как должно, свое детище!»

Даже по внешности Трейб не казался обычным. «Фигура Трейба очень характерна, — пишет Навашин, — сложен он плохо, держится несколько сутуловато, правое плечо заметно выше левого. Одевается очень разнообразно и элегантно». По воспоминаниям дочери Навашина, Т. С. Рогалиной, внешним обликом Трейб напоминал Дон Кихота. В огромном помещении на Яве («настоящий дворец»!) Трейб жил совершенно один, если не считать бездомного черного кота, которого ученый приютил, несмотря на предостережения суеверных яванцев: они полагали, что кот — оборотень, «скорее всего, тигр».

На плечах Трейба лежала огромная административная и организационная работа, но он умел находить время для своих исследований. «Трейб встает в 4 часа утра, чтобы приготовить свежие растворы для своих жидкостей, — пишет Навашин. — Обыкновенно уже и не засыпает. Затем он собирает листья и производит опыты».

Трейб обладал даром привлекать к себе людей, был доброжелателен и щедр: самое дорогое, что есть у ученого, — его время — он охотно предоставлял своим коллегам по науке. После Навашина много русских ученых побывало на Яве, работая в Бейтензорском ботаническом саду. И каждый из них вспоминал Трейба с теплотой и признательностью. По-видимому, архив профессора Трейба хранит не одно письмо русского ученого — трудно предположить, чтобы связи, начало которым положила плодотворная научная работа на Яве, прекратились после окончания командировки.

⁹ Только прожив некоторое время на Яве, привыкнув к климату, Навашин почувствовал, как он писал, «приятность» тропиков: «И небо, и деревья, и воздух — особенно воздух — все улыбается ласково, чувствуешь себя именно в раю». Окончательная акклиматизация произошла перед отъездом, когда «приятность» сменилась восторгом: «Разве только в детстве испытал такое необыкновенно яркое и приятное чувство благосостояния во всем теле, — записал Сергей Гаврилович 1 марта 1899 г. (уехал он 4 апреля. — Е. Г., В. Ж.). — Как говорится, радуешься своему существованию».

Трейб не без основания считал, что выполнил свое назначение в жизни, превратив Ботанический сад в Богоре в научное учреждение мирового значения. Здесь и развернулся его блестящий организаторский талант. Какой же удар готовила ему судьба! В результате конфликта с генерал-губернатором Трейб был отстранен от руководства Ботаническим садом и вскоре, в 1910 г., умер.

Русские ученые не могли пожаловаться на невнимание и со стороны российского генерального консула в Батавии М. М. Бакунина. Срок пребывания Бакунина в Батавии уже кончался. Новизна впечатлений давно прошла. Бакунин находился на Яве с 1894 г. и к опыту жизни в тропиках уже присоединил хорошее знание голландской системы хозяйства и управления колонией. Связи России с далекой от нее голландской колонией были ограничены, и Бакунин смертельно скучал. Он был очень рад приезду русских ученых, познакомил со своей семьей и даже предложил поселиться у него. Первый день приезда Навашин и Караваев провели у Бакунина, обедали у него, полюбовались этнографической коллекцией, собранной консулом, но предложение поселиться у Бакунина отклонили — они торопились в Богор. Бакунин приезжал в Ботанический сад, привозил соотечественникам русские газеты и, по свидетельству Навашина, проводил с ними много времени. У Бакунина был широкий круг интересов. Помимо своих прямых обязанностей он выполнял поручения научных учреждений России, собирал разнообразные коллекции. К этому делу он привлек и Навашина, который помог ему пополнить коллекцию жуков. Сергей Гаврилович не интересовался сувенирами и коллекциями предметов, если это не имело научного интереса. Своим родным он привез изделия яванских ремесленников и коллекцию яванских крисов, которая при его жизни находилась у него в кабинете, а затем при переездах семьи затерялась.

Приближался день отъезда. Все чаще думалось о доме, о родных местах. Апрельская утренняя свежесть в тропиках неожиданно напоминала ему свежие и ясные утра, какие бывают весной и осенью в средней полосе России. Сергей Гаврилович очень обрадовался, когда впервые на небосклоне увидел знакомое созвездие — «нашу милую Большую Медведицу!» Начала сказываться тоска по родине.

* * *

С. Г. Навашин принадлежал к числу крупнейших русских ученых, которыми родина вправе гордиться. Он был заслуженным деятелем науки, академиком с 1918 г. Ученик Тимирязева, он в 1923 г. в Москве организовал Биологический институт имени своего знаменитого учителя. Директором этого института он был почти до конца своей жизни. Всюду, где он жил и работал — в Киеве, Тбилиси, Москве, — он оставил благодарную память и многочисленных учеников. В его лаборатории считали за честь работать иностранные ученые.

По мнению самого Навашина, его поездка на Яву не имела важных результатов: «Особой выгоды в научном отношении я от этой поездки не получил, — писал он впоследствии в автобиографии, — если не считать за необходимость, чтобы натуралист раз в жизни видел океан и тропики» [2, 17]. Но даже короткое пребывание на Яве он считал полезным и нужным для ботаника, занимающегося преподаванием [см. 1, 87].

Не будучи ни в какой степени историком или географом (по словам родных, историей он совсем не интересовался), Навашин сообщил ряд ценных и для историка, и для этнографа сведений о Яве и яванцах, о некоторых чертах колониальной политики Голландии, проявив-

шихся ко времени приезда русского ученого в Нидерландскую Индию. Дневник, который вел на Яве Сергей Гаврилович, явно не предназначался для опубликования. В нем много записей, касающихся личной жизни, но, как можно заметить, много фактов, имеющих общественный и исторический интерес. Более того, автор дневника дал почувствовать не только тропическую, но и колониальную атмосферу жизни на Яве. Свежесть восприятия, непредвзятость, интерес к далекой стране, симпатии и уважение к индонезийскому народу — вот что характерно для записей русского ученого, что позволяет их оценить как вполне объективный источник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гневушева Е. И. В стране трех тысяч островов (русские ученые в Индонезии), М., 1962.
2. Навашин С. Г. Избранные труды, т. I, М.—Л., 1951.
3. Транковский Д. А. Сергей Гаврилович Навашин, М., 1947.
4. Ухтомский Э. Э. (сост.), Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891, т. I, Лейпциг, 1893.
5. Ухтомский Э. Э. (сост.) Путешествие Государя-Императора Николая II на Восток (в 1890—1891 гг.), т. II—III, Лейпциг, 1895—1897.